

АРСЕНИЙ
ГАРИПОВ

Весна
Танист

АРСЕНИЙ ГАРИПОВ

Весна ТАНИСТ

СТИХИ И ПРОЗА

МАГАДАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОХОТНИК»
2014

Гарипов А.А.

Весна-танист: стихи и проза / А. Гарипов; – Магадан : Изд-во «Охотник», 2014 – 28 с.

В книгу, изданную к 19-летию автора, вошли стихи и проза за 2013 год. Фотография на обложке Emilia Trojan – Vigilance II

УДК 882-1

ББК 84 (Рос=Рус) 6-5

© Издательство «Охотник», 2014

© Гарипов А. А., 2013

Содержание

СТИХИ	5
Великая мать	6
Ода гуру	7
Загадка II	8
Вот тебе деревце	9
Стальной закат стилетом вошел в ставни	10
Мертвые краски мне бросились в рыло	11
Весна-танист	12
Вселенная Дисконнект	13
Светловодный ручей	14
Посвящение «Газовой лампе»	15
Афину	16
Робким побегом	17
Небо мокрицей свернулось в комочек	18
Странное	19
Я видел на стенах маски	20
Ветер касается скул	21
Встань на воцеленные лыжи	22
ПРОЗА	23
Железная богиня непростения	24
Бакалея	31

СТИХИ

ВЕЛИКАЯ МАТЬ

Ты лежишь неразгаданной девой,
Вкруг тебя — все зверье да химеры.
От эллинов — и до мон-кхмеров,
Все рекут тебя Матерью стад.

По плечам твоим тянутся соки,
И, средь флейт камыша и осоки,
Алтарей, зиккуратов высоких,
Свято имя твое, Тиамат.

О, земля донебесной пустыни,
Нежный свет Вифлеемской Полыни,
Демон высшей, безвинной гордыни!
Сердце трех незапятнанных врат.

Лишь исполнены дикого грая,
Твои речи, скользь и играя,
В миг, когда мы столпимся у края,
В миг последний для всех прогремят.

ОДА ГУРО

Так страшно, что даже красиво;
Червем прогрызаешься к сердцу,
Искришь inferнальным огнивом,
Кричишь каждым битом и герцем.

Стекаешь с кисти Вайо, и
Плодовищем стремишься к Зениту;
Ведь красным полотнам — крови!
Болезни ж — алтарные плиты!

Где гнездо твое, гарпия смрадна?
В твоей провонявшей кисее
На веревках скрипят Ариадны,
Да круги нарезают Тесеи.

Ты — кувалда, но вязь твоя тонка;
Мозг туманя, ты ширишь границы,
И, пока есть бумага и пленка,
Мир не сможет тобою напиться.

ЗАГАДКА II

Из сочащихся очей —
Да по трубке прямо в небо
Из зрачков, белков и хлеба
Я гоню хмельной ручей.

Я не беден, не богат;
Но из тех, кого все ищут,
Кто бросает в кружки нищим
Пьяных жидкостей агат.

Глянь! В безумьи горных трав
Пандемонис с пантеизмом
Слил я в прихоти капризной
В колдовской, единый сплав.

Всяк моей покорен воле;
Кто слаб под знаменем моим —
Животной злобой одержим,
И нет на свете горше доли...

***

Вот тебе деревце,
Вот — болотце.
Спи, милёнок,
В глубоком колодце.

Нет уж у девицы
В нежный цветочек
Ни мочи-силёнок,
Ни раковин-мочек.

Размелена мельницей,
В пыль развеяна,
Матка с пелёнок
Прогрызена змеями.

***

Стальной закат стилетом вошел в ставни,
И небо огнесосенной смолой,
Отринув горестно и слезы, и покой,
Смочилось гневно янтарем недавним.

Кто сможет ограничить его гранит?
Вспороть соски кормящей Аудумлы?
Отбросить мысль, лукавства многодумны,
Обагрить мрамор тающих ланит!

Ужели тот, кто замер в терракотах
Под сенью стекловолкнистых туч?
Кто, слив в незнаныи семя и сургуч,
Печати ставит на стеклянных гротах?

***

Мертвые краски мне бросились в рыло;
Бивни давно не рыхлят падалицу,
Хитрый закат полыхает лисицей...
Старый кабан; я не помню, что было.

Ноздри не тянут промозглую влагу,
С хриплым шипеньем дыханье погасло;
Пастью сочится горячее масло:
Дорожкой червивой бежит по оврагу.

Смерти звериной укор человечесий...
Будет уроком мне, Архейма ярлу,
Не брать зверьих шкур у бродячего карлы,
В лунную ночь не вздевать их на плечи.

ВЕСНА-ТАНИСТ

Тропы ропщут,
Рокочут торы,
Небо топчет
Дубровы и горы.

Капкан намедни
Ухмылкой кривой
Защелкнулся медно
На ляжке милой.

Умойся, царевна,
Гранатовым соком.
Не смейся нервно:
Не вышло б боком.

Попотчуй лучше
Из мертвой Гебы
Священные кущи
Вином и хлебом.

Забудь про межи,
Оденься оловом;
Осень отрежет
Твою нежную голову.

ВСЕЛЕННАЯ ДИСКОННЕКТ

*Нашим ночным поездкам:
мне, Маше и Леше*

Весна — тревожное время:
Могилами солнцераспятий
Над хлипкими тропами гатей
Слейпнир рвет, безумствуя, стремя.

И в мозг молчаливое знание,
Что ведомо лишь мертвецам —
Их отрубленным головам,
Вжралось тупоносой пираньей.

Расплеснут тремор опахала:
Вот-вот соблюдут рассвет,
Выстрелит? Или нет? —
В висок мне стальная Вальхалла.

Так прячется в степлерах сект:
Как двойка бубей в рукаве,
Как улей в любимом duvet —
Вселенная Дисконнект.

***

Светловодный ручей;
Весел отблеск меня.
Осади же коня,
Спешись, воин мечей.

Не спеши, одиноч
Путник, флягу твою
Щебеча, напою,
Твой омою клинок.

Я прозрачен, игрив.
Брось мне вызов скорей
Синей плотью очей,
Дитя пастбищ и нив.

От сияющих гор
До рыбацких судов
Дарю пищу и кров:
От щедрот своих — вор.

ПОСВЯЩЕНИЕ «ГАЗОВОЙ ЛАМПЕ»

Деревянный стол:
Грубый, изрезанный.
Странные носы
Сгрудились повесами.

Шершавые клювы
Тычут во все стороны:
Карты сально шлепают.
Копки разволнованы.

Лысые, смешные,
Голосят, мухлюют,
Машут плавничицами.
Танцуют в дымных струях.

Мерцают канделябры,
И будет вечно так:
Комочки лютефиска.
Покер. Полумрак.

***

Афину
Лесбосом
Не порочил,
Но свинину —
Ем:
Одноглаз,
Полифем.

Не сносить бы меня
Земле,
Небесам,
Аду.
Ей-же-ей,
Упаду:
В огоньковом
Бреду —
По тине!

***

Немного зла.
Ревнива...
Зато мила
На диво.
Фет, «Моя Ундина»

Робким побегом
Лозы водосточной
Распустится клевер —
Пурпурные листья.

Проснется ундина
В подвальной коросте,
Вдохнет в себя стужу
Багровых соцветий.

Не жить ей, не петь
Ни сиреной, ни птицей;
Глаза задымлены
Бельмом колыбельным...

Неловким движеньем,
Прозрачной рукою
Сорвет она клевер —
Пурпурные листья.

***

Небо мокрицей свернулось в комочек,
Ножки мохнатые к брюшку поджало,
В доках промозглых, средь сельди и бочек,
Море причалами лупит в кимвалы.

Вот доходяга стал под навесом:
Свернет папироску, прикурит в ладошку,
В дождь побредет по покатоному плесу,
Вяло спугнет припортовую кошку.

Контейнеры ржавы расставлены криво,
Мир здесь застыл в положении «лежа»;
Лишь кран проржавевший костистою гривой
Щеткой скобит омертвевшую кожу.

А в нежной крови деревец придорожных,
В молочной белянке плавучих коряжек
Всегда угадать при желании можно,
Что в трюмах корабельных норны нам пряжут.

СТРАННОЕ

«Моему присносущему Ребису,
От пропащей девицы блудная
Как вовек нерешенному ребусу
Я дарю фотокарточку. Люция».

В мерзлом городе, на бордюре
Существо без пола и имени.
Тонкий галстук трепещет аллюром,
С дуновеньями плещется зимними.

И одежды на нем не праздничны
Но красивы: пиджак с рубашкою.
На руках, лице — не разводы хны,
Но рисунок таинственной краскою.

Я нашел ее в доме брошенном,
В старой печке, шкафом приваленной.
И разглядывал — под кривым окном,
И забыл, что вокруг — развалины.

***

Я видел на стенах маски,
Касался щитов в коридоре.
Кому не хватило ласки —
Желанны в этой Гоморре.

Чаша для ног провидцев.
В ней омою лицо я,
И дрогнут, насытившись, спицы
В воде, полной желчи и гноя.

Пускай очи запрутся в бельма,
Яд пророчеств впитает кожа,
А тать без племени, шельма,
Коня моего стреножит...

Камень на ощупь гладок,
Стекло под ногами — тонко.
Я падаю в океан складок
Тоги святого ребенка.

***

Ветер касается скул —
Ты сидишь над крышами школ
И рисуешь закаты в огне,
Гравируя альбомный скол.

***

Встань на вощеные лыжи,
Шлема поправь тесьму —
Пусть никогда не увижу
Вьюги бушующей синь,

Скади, возьми свой гарпун,
Стрелой рассеки целину —
Брызгами тающих лун
Я ринусь в морозную стынь!

Ты легка, как парящий вран,
На ногах твоих — змеи древ.
Сквозь северный злобный буран
Я тащусь за тобой след в след.

Здесь неважно, кто и за кем —
Все равно я настигну твой
Отраженный от скалистых стен
Извивающийся силуэт.

Проза

ЖЕЛЕЗНАЯ БОГИНЯ НЕПРОЩЕНИЯ

Так что же, юноша, ты хочешь услышать мою историю? В этой деревушке нет, верно, ни одного человека, не знающего ее наизусть, как и того, кто хоть раз не посмеялся б над ней. Дети детей сегодняшних стариков засыпали под мои речи. Я удовлетворю твое любопытство — только пообещай не называть меня старой обезьяной, сошедшей с ума от выпивки да проделок Лунного зайца... Как видишь, я прошу совсем не многого.

В то время я путешествовал гораздо южнее «Веселого города»: карабкался по горным хребтам и ущельям. Я был молодым самураем, познавшим позор, но не нашедшим в себе сил исполнить долг чести. Знаменитого Кузина такой поворот судьбы сподвиг стать монахом, я же избрал путь нищего оборванца, исполнявшего всяческую мелочевку за горстку объедков да крышу над головой.

Это было трудное путешествие... Могу поспорить, что ты такого еще не испытывал. Многие недели я не видел живой души, питался лишь скудной травой, пробивавшейся между камней, а сандалии мои были стерты до пят. Горная рысь не раз преграждала мне путь, и лишь всеведущие боги знают, как мне удавалось скрыться.

Так или иначе, однажды мои скитания оказались вознаграждены. Я успел твердо убедиться, что стопы мои уже омывают дикие воды реки

Сандзу, и проклясть звезду, направившую меня на путь по горным расселинам... Но небеса смилостились, и крутая тропка вывела меня к прекраснейшему зданию, которое я когда-либо в своей жизни имел счастье лицезреть. Признаться, поначалу я думал, что душа моя уже покинула тело, и я набрел на призрачный дворец одного из «вечных старцев», сяней. Но раздались удары колокола, и ко мне вышел монах в бурой робе. Бритая голова его так блестела на злом солнце запретных вершин, что моему измученному разуму он представился одним из миллиона наших небожителей. Этот святой человек подхватил меня под немеющие руки и увел под спасительные своды храма нашей девятижды славной веры синто.

Я вижу, путник, слабая усмешка уже начинает скользить по твоим губам. Да, возможно, старик, разомлевший от sake, от теплой весны, коснувшейся наконец его слабых костей, несет сейчас околесицу, ерунду, которую можно услышать от любого деревенского пьяницы. Однако ж, поверь мне, когда-нибудь твои правнуки прочитают об этой легенде на бамбуковых дощечках, слово самурая! А ты сейчас, такой цветущий и юный, имеешь счастливую возможность лицезреть ее героя здесь, в этой едальне, и, поверь мне, в твоем возрасте я мог о подобном только мечтать.

Так или иначе, монахи славной обители быстро меня выходили. Их храм был настоящей крепостью, а алые тории так и светились благодатью и незыблемостью. Они поклонялись древней бо-

гине-жабе, кажется, Морья было ее имя... Огромная статуя демонической лягушки-змеи возвышалась серым гигантом в самом сердце моего пристанища. Она была древней, о, древнее зеркал Амагерасу-но-ками, я скажу тебе, да! Еще до того, как горы вознеслись над плодородными долинами, стояла она там, потому что высечена она была из окаменевшего речного ила, и в самые жаркие дни вокруг нее всегда стояла прохлада и трясинный запах небольшого болотца.

Благодарный своим спасителям, я решил принять их учение и послужить таинственной покровительнице здешних мест. О, сколько чудных знаний скрывалось в их бритых головах! Они знали тысячи языков, их библиотеки были огромны, мантры совершенны, день их протекал в полном согласии тела и духа, и боги не обделяли их милостью. Шаг за шагом я познавал таинства синто, но вместе с тем в меня вливались знания и о буддизме, и о славном учении Конфуция, и даже о варварских верованиях хладноволосых детей северных ветров, чьи остроносые корабли изредка прибывало к нашим отчужденным берегам...

В день, когда мой наставник учил меня совершеннейшему погружению в медитацию, в наш храм забрел зажиточный торговец контрабандой. Понятия не имею, какие тропы он избрал, как провел тучных мулов и громыхающие повозки мимо каверзных демонов-тенгу... Но он привез высшую драгоценность, важную для простого люда, но для

монахов — особенно. Да, молодой человек, вы не ошиблись! Это действительно был чай, но не простой китайский напиток, а совершенно особый: такой, что очищает сознание, замедляет разум, но не дает заснуть, предавшись греховному отдохновению плоти. Те Гуань Инь было ему имя.

Завариваемый совсем по-особому, не так, как мы, японцы, привыкли, он даровал самому непоседливому послушнику ясность, безмятежность, спокойствие. Я тоже был удостоен великой чести приобщиться к его таинству. Как и все, я был одарен сверхъестественной концентрацией и расслабленностью, но по глупости и мятежной скромности я умолчал о том, что беспокоило меня с первых дней употребления этого благородного напитка: странные, цветастые видения, окружавшие меня во время медитаций. Обуянный гордыней, я предположил, что это — знак расположенности ко мне богов, и не предполагал, что за тайный смысл кроется за этими символами. Наш мудрый настоятель (да будет благословенно его имя на просторах Призрачной реки!) заметил, что разум мой смущен, но я утаил от него истину, сославшись на усталость от непривычных монашеских техник.

В тот день, когда наставник с гордостью сообщил мне, что я достиг нового уровня созерцательной медитации, китайский торговец покинул наши владения. Напоследок он совершил удивительный по щедрости жест, позволив каждому монаху бесплатно взять по пригоршне чая. Сам того не ведая, я выбрал все тот же Те Гуань Инь. Купец одобрительно мне прошептал, что по-на-

шему этот сорт назывался бы «Железная богиня милосердия», и что-то перевернулось во мне, когда я услышал эту фразу. Смысл преследовавших меня видений начал выстраиваться в стройный узор, как иногда капризной волной создаются прекрасные картины из морского песка, но лишь на краткий миг... Уже не ведая, что творю, я выпил перед сном несколько чашек подаренного чая, но вместо обычного спокойствия он привел меня в крайнее возбуждение. Невозможные образы пронеслись мимо моих уставших глаз с невообразимой скоростью все быстрее и быстрее, пока из мельтешения не выступил огромный змей: белый, лучистый и мудрый. Смеясь, он обвился вокруг моего тела, и я наяву чувствовал, как кромешно-холодна его чешуйчатая кожа. Он спросил меня: «Знаешь ли ты, монах, что на самом деле означает Те Гуань Инь?» Я медленно покачал головой, холодея от ужасающего предчувствия. Древний дух ответил мне, скользя уже по моим жилам, входя в рот и выходя через глазницы: «Знай же, смертный, что Железная богиня милосердия — это еще и Гуан Дао, — Серебряный лунный змей, — грозное оружие, отсекающее головы поверженным врагам. Так и этот чай, воспевающий ее беспощадность, отделяет разум от тела, позволяя ему путешествовать по иным, чудным мирам».

Стены кельи, где я спал с еще несколькими послушниками, медленно покрывались мучнистой росой, полыхающей всеми цветами мироздания. Змей растворился в ней, его всосало в

каждую капельку. Пораженный этим диалогом, я подскочил, не обращая внимания на дикую боль во всем теле, и побежал к наставнику.

Представьте же мой ужас, юноша, когда я обнаружил, что он покоится на своем ложе без головы! Поначалу я подумал, что весь этот монастырь — демоническая иллюзия рокуро-куби — темных существ, чьи головы ночью выходят на охоту за свежим мясом... Дрожа от страха, я запалил масляную лампу... Пол оказался в бурой крови, уже успевшей местами запечься.

Как обезумевший, я метался по всему храму — и везде я видел лишь обезглавленные тела. Лишь богиня-лягушка Морея осталась целой, и ее обелиск безучастно наблюдал за моими стенаниями. Когда же я наконец выбежал во двор, я увидел древний Гуан Дао, на всю длину лезвия воткнутой в массивные деревянные ворота. В одиночку мне было их не открыть, а вернуться к обезображенным трупам мне не хватило храбрости... Так что я продрожал под открытым небом до наступления утра, и лишь когда дневной свет озарил золотистый шпиль на черепичной крыше, я осмелился войти в опустевшую обитель.

Она оказалась заполнена огромными вздувшимися лягушками, чья черная кожа матово поблескивала в темноте заброшенных комнат. Они пожирали тела монахов, не обращая на меня никакого внимания. Почти теряя сознание от страха, я поднялся к башенке с голубятней и разбил птичьи клетки. Тысячи пустых листов с храмовной печатью разлетелись по всей провинции, и вскоре

ко мне прибыли целых три спасательных отряда — как раз когда я потерял всякую надежду на избавление от голода и страха.

Как видишь, юноша, никто не стал подозревать молодого послушника, еле лопочущего свое имя, в убийстве целого храма... Вскоре меня отпустили из правительственных застенков, и я вновь принялся странствовать, пока не нашел место себе по душе, где и планирую остаться до последних своих дней. И хоть меня и интересуют вопросы, кем был тот человек с чаем и под чьей рукой сейчас нежится резная рукоятка Серебряного лунного змея, я все же предпочту оставить другим эти загадки.

А сейчас, мой друг, купи старику кувшин рисовой водки, и я попробую не вспомнить тебя завтрашним утром... Ведь кто знает, какой урок ты вынес из этой истории?

БАКАЛЕЯ

Бакалея не всегда была полной.

Кому – смоквы, а кому и пряностей. Никому и дела не было до почерневшего от времени свертка на прилавке.

А что это?

Что это, что это?

Потом люди стали толпиться. Они любили спрашивать бакалейщика. Тот был глухонемой. У него была отвисшая губа и остатки седых волос, зачесанные к затылку. Он был грузен, имел всегда недовольный, обиженный вид. Станет такой человек отвечать на вопросы зевак?

Знай себе отвешивает: кому копченостей, а кому и сыру.

Однажды сверток прогрызли крысы. В нем было что-то студенистое, переливающееся, студенистое. Бакалейщику писали товары на листочек. «Что такое у вас на прилавке?» Он не понимал этого вопроса.

Как-то в толпу затесалась девочка. Одна бровь у нее была чудовищно разбухшей: так, что закрывала лукавый глаз. Она была из бедных и гордо несла медяки, зажатые в тусклой ладошке.

«Неба», – нацарапала она на дощечке. Бакалейщик сдернул остатки бумаги, и на червивом дереве оказался синий дрожащий сгусток. Умелой рукою он отсек неба как раз на половину небосклона для хитрого взгляда крохи. Та, ухватив покупку, тут же погрузила обезображенное личико в воздушную

круговерть. Толпа заволновалась. Все хотели чудесного студня.

Бакалейщик улыбнулся и скрылся в подвале.

Уж чего-чего, а неба у него всегда было в достатке.

Ц. 15 КОП.

МАГАДАН
2014